мин «графема» (записи Л. В. Щербы, л. 2); 2) учение о специфической структуре письменной речи, в зарубежной литературе обычно приписываемое Д. Болинджеру[1], значительно раньше и значительно серьезнее было разработано Бодуэном. К сожалению, если теория алфавита интенсивно разрабатывалась бодуэновской школой, то другие аспекты его теории письма оказались забытыми.

Целый ряд поднятых Бодуэном проблем приходится только назвать: из их числа больше всего привлекает к себе внимание диалектографическая концепция Бодуэна; нельзя не отметить его роли в развитии сравнительно-исторического метода. Бодуэн отдал много сил и времени проблемам эсперанто и часто выступал в своих теоретических работах в защиту международного искусственного языка.

Подведем некоторые итоги сказанному выше. Общелингвистическая концепция И. А. Бодуэна де Куртене несет на себе явные следы двойственности. С одной стороны, у Бодуэна много общего с младограмматиками. Это объясняется прежде всего тем, что его взгляды, как и взгляды младограмматиков, формировались под известным влиянием идей Гумбольдта и Штейнталя. Кроме того, Бодуэн, как и младограмматики, стремился избавиться от мертвящего догматизма школы Шлейхера, обратившись к исследованию живых современных языков и диалектов и уделяя много внимания разработке вопроса о роли индивидуального языкового мышления при функционировании языка, что также не могло не сближать оба направления. С другой стороны, некоторые моменты приближают Бодуэна к соссюрианству, давая нам право считать его одним из предшественников современной структурной лингвистики в ее пражском варианте.

Едва ли можно согласиться с Р. Якобсоном, что Бодуэн только в 70-х гг. XIX в. планировал «систематические структуральные исследования», а позже отошел от структурализма в сторону «психологизма». Напротив, как показывает анализ его высказываний, именно в 1900—1910 гг. он пришел к наиболее законченной, хотя, быть может, не всегда последовательной функциональной концепции языка; живая научная традиция идет именно через эту «психологическую» концепцию.

«Решающее значение понятия относительности фонетических элементов для изучения их использования в конкретном языке, их зависимость от всей фонологической системы и даже проблематика фонематической оппозиции — проблеск и упоминание этих первоочередных для развития лингвистики идей мы находим в работах Бодуэна»[2]. При этом Бодуэн всегда придерживался последовательно материалистической точки зрения, что делает его позицию еще более близкой нам. В работах Бодуэна подробно разработаны такие существенные для современного языковедения вопросы, как вопрос о системе языка, о функциональной значимости фонемы в механизме языка, о множественности причин фонетических изменений.

Идеи Бодуэна де Куртене в течение почти 20 лет не находили объективной оценки и сколько-нибудь полного освещения в советской языковедческой науке. Нам кажется, что пришло время, наконец, внимательно обратиться к его научному наследству и оценить по заслугам его роль в развитии русского и мирового языкознания.

А. А. Леонтьев

[1] См. D. Bolinger, Visual morphemes, «Language», vol. 22, № 4, 1946.

[2] R. Jakobson, Powstanie pojęcia fonemu..., стр. 52.

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ФОНЕТИКИ

(Из курса лекций)

Публикуемый нами в извлечениях курс лекций И. А. Бодуэна де Куртене по общей фонетике, читанный им на немецком языке в Дерптском (Тартуском) университете во втором семестре 1888 г., воспроизводится по студенческой записи Р. А. Теттенборна. Оригинал последней в виде двух тетрадей (68 страниц) хранится в «бодуэновском» фонде Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ.

Курс состоит из введения и трех глав. Введение и третья глава печатаются полностью, глава первая («Учение об альтернациях» и «Учение о корреспонденции») и глава вторая, содержащая развитие на материале индоевропейских языков теории «постепенного человечения языка», целиком опущены.

Наибольшую ценность из публикуемых частей курса представляет введение, где впервые дается функциональное истолкование понятия фонемы и проводится последовательное различение фонетики и фонологии. Интересно также, что в курсе Бодуэн понимает фонему как психо-физиологическую реальность; в печатных работах такое понимание встречается лишь начиная с 1894 г.

Купюры, сделанные нами в тексте и касающиеся главным образом примеров обозначены угловыми скобками ⟨...⟩ В квадратных скобках [ ] стоят примеча

ния переводчика и дополнения, внесенные в перевод для лучшего понимания. Круглые скобки всюду принадлежат автору. Нами сохранены следующие условные знаки, встречающиеся в рукописи: || — символ альтернации (соответствия внутри одного языка); ≠ — символ корреспонденции (соответствия в родственных языках).

В качестве приложения нами даны две схемы, вычерченные Р. А. Теттенборном в одной из тетрадей с текстом курса, но отделенные от него несколькими чистыми листами. Содержание схем связано с тематикой курса. Вероятнее всего, они представляют собой запись предэкзаменационных консультаций И. А. Бодуэна де Куртене (*прим. переводчика*).

Введение. Антропофоника и фонетика

Между антропофоникой и фонетикой есть различие, которое мы можем увидеть на примерах: *tragen* (*trâγn̥*), *trägt*, *trug*, *Tracht*, *trächtig*. Эти слова родственны, и так как они состоят из звуков, то и эти последние должны быть родственны. Однако с физической точки зрения нельзя установить родства этих слов: *a* и *u* совершенно различны и т. д. ⟨...⟩. Когда мы говорим об этимологическом родстве, мы имеем в виду не антропофоническое, не психическое родство — родство осмысленных морфем, взятых в целом.

Примечание. Фонема (=психическая единица языка, т. е. то, что фонетически неделимо), в отличие от звука, т. е. антропофонической единицы. Фонетическая единица может соответствовать нескольким звукам или даже одному звуку плюс качество другого звука. Звук, звук речи — известное явление (обычно звуковой тон), могущее быть изолированным; оно образуется благодаря определенному совместному действию определенных факторов речепроизводства и только благодаря этому действию.

Антропофоническое родство покоится на тождестве производителей звуков, т. е. речевых органов индивида. Сходные причины — родственные результаты.

[*На полях красными чернилами:*] Фонемы — простые, не разложимые далее образы памяти, возникающие благодаря повторению простых не разложимых далее акустико-физиологических впечатлений. Или [фонема] = акустический результат одновременной деятельности речевых органов, ощущаемый как неделимое целое и производящий целостное впечатление.

Язык есть явление насквозь [durch und durch] психическое. И антропофоника, и фонетика имеют психическую основу, причем они занимаются описанием фонетических явлений в языке, [их] упорядочением и исследованием причинной стороны звуков. О различии между антропофоникой и фонетикой можно сказать следующее:

1. Антропофоника занимается звуками, возникающими в сфере действия речевых органов, т. е. чисто физиологическими явлениями, и акустическими результатами, в полном отвлечении от участия мозгового центра, играющего лишь контролирующую роль. Фонетика занимается уже психическими явлениями — явлениями, имеющими психическую природу.

2. В антропофонике артикуляция, звуки, фонемы рассматриваются как чисто физические продукты, независимо от обладающих значением морфем. Фонетика рассматривает звуки как знаки, признаки морфем (осмысленных слов).

3. Антропофоника есть наука индивидуальная и общечеловеческая. В фонетике меньше индивидуального и общечеловеческого, однако больше этнического и зависящего от историко-этнографической принадлежности людей.

4. Антропофоника занимается физиологическим и акустическим родством. Фонетика занимается родством этимологическим и семасиологическим (историческим и психическим).

5. В соответствии с этим антропофоника есть история фонации, фонетика — история фонем в отношении к морфологии.

6. В обеих частях мы находим статику [Nebeneinander] и динамику [Nacheinander]. В антропофонике статика и динамика определяются с помощью ассоциации по смежности (*род — рода*, *вес'т'и* — палатализованные *с* и *т*), в фонетике — с помощью ассоциаций по сходству (*trug — tragen*, *тряс — трёс*).

Фонетика разделяется на следующие три части: 1) дескриптивная часть — констатирует этимологическое родство; 2) историческая часть — «раньше было так — теперь стало так»; 3) каузальная часть — учение о причинах (сюда относятся звуковые законы).

Глава третья. Каузальная часть

Исследуя причины звуковых изменений, мы можем прийти к следующим выводам: 1) чем неопределеннее речевая работа (фонация), тем легче она поддается изменению; 2) чем сложнее работа, тем быстрее и легче она поддается изменению или замещению другой работой. ⟨...⟩. Говоря о неопределенности и сложности, мы должны рассматривать язык с трех сторон: 1) физиологическая сторона — собственно говорение, фонация; 2) социологическая сторона — аудиция; 3) психическая сторона — церебрация.

Где замечается сложность и неопределенность? 1) в самих фонемах; ср. *ta* и *ka*. Здесь *ka* более неопределенно, так как эта фонема может быть образована в большем количестве точек [einen größeren Spielraum hat]; фонемы типа *k* соответственно изменяются много легче, чем фонемы типа

t; 2) в сочетаниях и переходах (т. е. при физиологическом и акустическом соседстве). Если две фонемы, далекие друг от друга в физиологическом отношении (например, *jo*, *ja*), стоят рядом, они менее защищены от изменений, чем фонемы, более близкие физиологически (например, *je*, *ji*); 3) в способности к различению. Если имеется много классов фонем, которые произносятся сходно, то появляется стремление к устранению тонких нюансов. В польском языке находим *s*, *ś*, *sz*; в диалектах констатируем исчезновение *sz*. В санскрите имеем *s*, *ç*, *š*; в пракрите, однако, это различение отчасти исчезло.

Неопределенность. Неопределенность может быть тройкой: 1) физиологическая [см. выше пример с *ta* и *ka*]; 2) акустическая (слабое и неопределенное впечатление); 3) физиологическо-акустическая (*ki*//*ti* — *кисть*//*тисть*).

Примеры ко второму типу: *смотр*, *песнь*, *мысль*, *корабль* — акустическое впечатление от конечного согласного во всех этих случаях очень слабо; в дальнейшем развитии языка оно безусловно станет равным нулю, если не возникнет каких-либо препятствий, ведущих к его сохранению. Уже сейчас находим русское *нес*⟨*nesl* или польское *niósł*, где *ł* почти равно нулю. ⟨...⟩

Сложность. Сложность мы находим, например, в так называемых палатальных согласных, где наряду с другими работами появляется еще одна, т. е. палатализация. ⟨...⟩ В языке есть стремление ликвидировать эту сложность, что может происходить двояким путем: 1) путем устранения палатализации: *делает* < *dělajeti*; 2) путем распространения ее на другой звук: *ki* > *č*, *c*; *gi* > *ž*, *z*; *ri* > *rž* (чеш.), *ž* (польск.) и т. д. Чаще всего таким изменениям подвергаются среднеязычные звуки: *tj*, *dj* и т. д.

Носовые гласные связаны со сложностью артикуляционной работы, поэтому языки, где есть носовые гласные, быстро их теряют. В санскрите они есть, в пракрите их нет. В польском и кашубском языках носовые гласные сохраняются лишь в благоприятных условиях (перед спирантами). Во французских диалектах нет носовых гласных, хотя в литературном языке они налицо. Звуки *ĭ*, *ŏ* тоже включают в себя сложную работу, поэтому можно констатировать их исчезновение во многих языках: новогреч. κίκλος (čiklos) < κύκλος. Слогообразующие плавные — сонанты — тоже слишком сложны и потому заменяются либо гласным, либо гласным+согласный. Ср. санскр. род. падеж от *pitár*— *pitur* < *pitṝ*, нем. *badn* [baden] ≠ диалектн. *bada*. ⟨...⟩ Целые сочетания звуков представляют сложность; так, вместо первоначальных *kt*, *tt*, *pt* находим либо *xt*, *st*, *ft*, либо долгие согласные: русск. *кто* > *хто*, лат. *octo* > итал. *otto* и т. д. Далее заметим, что из группы звуков исчезают целые фонемы, чтобы избежать сложности: русск. *вымя* < **выдмя*.

Возникновение палатализации и депалатализации следует также возводить к разрушению сложности: первоначальные сочетания *gi*, *ge* были слишком сложны и возникло стремление упростить их путем палатализации согласных, так что получились *g'i*, *g'e*. В этих последних сочетаниях опять налицо сложность, образовавшаяся благодаря палатальным согласным; сложность должна была быть устранена путем перехода палатальных согласных в переднеязычные спиранты, т. е.: *ži*, *že*. ⟨...⟩ Мы можем указать и случаи, когда сложность ликвидируется благодаря замене палатальной гласной на аналатальную: русск. *в'ол* < **v'edl*, польск. *w'odę* < **v'edą* ⟨...⟩. Сюда же относится устранение сложности путем лабиализации: резьян. *ubuit* < *ubit*, *ukuazat* < *ukazat*.

Длинные слова, морфемы которых не воспринимаются более как таковые, конечно, представляют собой сложность и потому подвергаются сокращению: *Екатерина* — *Катерина* — *Катя*; напротив, длинные слова, в которых ясно выступают морфемы (*по-ложе-и-ть*), защищены от сокращения. Это явление объясняет нам относительно быстрое изменение и фонетическое вырождение аналитических языков по сравнению с синтетическими.

Примечание. Синтетические языки — такие, в которых можно разделить слова на морфологические части, [такие], в которых есть флексия. В аналитических языках слова нельзя разделить на морфологические части, и в этих языках нет флексии (во всяком случае отсутствует склонение). Ср. франц. *jour* ⟨ лат. *diurnu-m*. ⟨...⟩

До сих пор мы рассматривали неопределенность и сложность в области фонации и аудиции; переходим к рассмотрению неопределенности и сложности в области церебрации. Сложность в области церебрации проявляется в различении отдельных классов звуков и тонких нюансов. Мы находим исчезновение такого различения, т. е. разрушение церебрации, например: 1) исчезновение различия между aspirata и media; 2) исчезновение различия между *k'* и *q*; 3) исчезновение различия между *z*, *ž*, *ź*: в польском литературном языке это различие еще существует, но в диалектах находим только *z*, *ž*; 4) исчезновение подвижного ударения, если оно не служит морфологическим целям; 5) исчезновение редко употребляемых артикуляционных групп.

В некоторых словенских диалектах мы находим *graβ* (*β* = англ. *th*), но в отдельных деревнях (бохинско-посавский говор), где раньше было то же явление,— *gras* // *grad*; альтернация *gras* // *grad* < < *graβ* // *grad*. Другой пример,— русское *γ* в *Бог*, *Господь*, которое часто, а иностранцами постоянно смешивается с *х*. Исчезновение *ы* (*y*) в славянских языках объясняется тем же. *ы* встречается вообще в единичных случаях, [но] оно имеет специфическую артикуляцию, следовательно, должно было осуществиться устранение этого гласного, что и произошло путем замены его [гласным] *и*. Сейчас ни один славянский язык не имеет самостоятель-

ного ы; где оно встречается, например, в русском языке,— это лишь модификация и, зависящая от качества предшествующего согласного.

Общие выводы. Во многих родственных и неродственных языках мы находим одинаковые явления. ⟨...⟩ Если учесть это, приходим к выводу, что фонетический и семасиологический элемент (физическое — материальное — и психическое) является общечеловеческим. Циркуляция в этой области происходит совершенно независимо от родства и происхождения. Филогенетическое (генеалогическое) значение имеет в языке только форма, морфологический элемент, только специальное приложение и комбинирование семасиологического и фонетического элемента.

Приложение I

[Иерархия языковых единиц]

Речь = полное выражение мысли
|
Предложение=единица речи — приблизит. итог целой группы мыслей.
|
Слово (выражение) = единица предложения — приблизит. субститут целой группы идей.
|
корень, приставка, окончание } морфология — Морфема=единица слова—приблизит. субститут известного психич. содержания.
Звук — а) (акустически) = воспринимаемое органом слуха внешнее впечатление
б) (анатомически-физиологически) — произведенное совместным действием известных факторов говорильного аппарата
б) (психически)=часть знаменательной морфемы=фонема — последнее (акустически) неделимое воспринимаемое впечатление

Приложение II

Разделение грамматики

1. Фонетика:
   а) } антропофоника
   б) }
   в) фонетика
2. Морфология
   а) словообразование (лексикология)
   б) флексия
   в) синтаксис (соединение слов в предложения и периоды)
   } Статика
3. Семасиология (учение о психическом содержании)
4. Этимология — история языка
   } Динамика

И. А. Бодуэн де Куртене
Перевел с немецкого *А. А. Леонтьев*